

К ЛИРИЧЕСКОМУ ВОСПРИЯТИЮ ДУХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВЕНГЕРСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Дь. Секе

Сопоставительное изучение литератур порою слишком строго делится на выяснение т.н. контактных и типологических связей. В действительности же, в ходе конкретного анализа, не так уж легко отделить друг от друга эти литературоведческие категории.

Это особенно относится к периодам развития литературы, богатым общими для многих национальных литератур мотивами, следовательно, не в последнюю очередь, к эпохе распространения идей Просвещения.

Тема нашей статьи* — история одного характерного мотива, который в числе других европейских писателей использовал и Радищев в „Путешествии из Петербурга в Москву”. Мы не считаем необходимым принять определенную точку зрения относительно характера этого произведения Радищева, вызывающего и без того чересчур много споров.¹ В данном случае, при рассмотрении этого мотива, нам не хотелось бы вкладывать „Путешествие” в прокрустово ложе какого-либо течения или стиля. Тем не менее, просветительский характер „Путешествия” является для нас фактом бесспорным: воспитанный на лучших традициях западноевропейского Просвещения, Радищев включил в свое произведение немало характерных для этого идейного течения мотивов.

Мы займемся одним из них, разительные параллели — а может быть, и источники — которого встречаются и в венгерской, и в других европейских литературах.

В главе „Вышний Волочок” Радищев пишет:

„Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распушенный в оном, лишали покоя тебе подоб-

* Автор статьи считает своим долгом выразить глубокую признательность и благодарность члену-корреспонденту Венгерской Академии наук Й. Саудеру за ценные указания и бескорыстную помощь.

¹ См., напр.: Любомиров, П. „Путешествие” Радищева. Ученые Записки Саратовского университета. т. VI. вып. 3. Саратов, 1926. Скафтымов, А. О стиле „Путешествия” Радищева. (в кн. Статьи о русской литературе. М., 1958.) Макогоненко, Г. Радищев и его время. М., 1956. Берков, П. Некоторые спорные вопросы изучения Радищева. (в кн. XVIII век. сб. 4. М.—Л. 1959.) Наше мнение об этих спорах см. в статье Szöke, Gy. — T. Halász, M. A XVIII. század orosz irodalma az újabb szovjet irodalomtörténeti kutatások tükrében. (Русская литература XVIII века в свете новейших исследований советского литературоведения) Irodalomtörténeti közlemények (Budapest), 1969. 2—3. 347. 1.

ного человека, что они были причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою. — Вид прещения, сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.²

Радищев, как известно, создавал свое „Путешествие” с 1784 по 1789 г. Примерно в это же время, в конце 70-х и в начале 80-х годов XVIII века³ возникло известное стихотворение венгерского поэта-просветителя Абрахама Барчаи (Barcsay Ábrahám, 1742—1806) „На кофе”⁴. Ниже дается текст оригинала и подстрочный его перевод на русский язык.

A kávéra

Rab szerecsen véres veríték-gyümölcse,
Melyet, hogy ládáját arannyal megtöltse,
Fősvény Anglus elküld messzi nemzeteknek,
Nádméz! Mennyi kincsét olvasztod ezeknek.
Hát te, rég csak Mokka táján termett kis bab,
Mennyit szenved érted nyúgoton is a rab.
A bölcs iszonyodik látván, egy csészéből
Mint hörpöl ő is részt Anglusok bűnéből.

(На кофе

Кровавый, потный плод раба-арапа, который, дабы наполнить свои сундуки золотом, скупой англичанин посылает далеким народам, тростниковый мед! Сколько их сокровищ сплавляешь ты воедино. А вы, возвращаемые встарь лишь в краях Мекки малые бобы, сколько страдает раб и на Западе за вас. Мудрецу тошно, видя, что и его глоток из чаши — соучастие в вине англичан.)

Случайно ли это совпадение?⁵ Навряд ли. Говорить о наличии каких-либо контактных связей между Радищевым и Барчаи нет никаких оснований. Речь идет скорее об общности мироощущения, и, может быть, закономерно поставить вопрос о возможности существования общих для двух писателей-просветителей источников, тем более, что этот же мотив встречается и у других писателей и мыслителей эпохи.

* * *

В конце XVII и начале XVIII века создавался своего рода культ кофе, наряду с культом какао и табака: нашлись и защитники, и противники этой новой страсти. Так, например, пить кофе долгое время запрещалось при дворе Людовика XIV. Сам король выпил первую чашку кофе, чтобы доказать свою храбрость. „Адский напиток” оказался ему по вкусу: кофе стал быстро распростра-

² Радищев, А. Избранные сочинения. ГИХЛ. М., 1952, стр. 142.

³ Предположительная датировка И. Саудера.

⁴ Цитируется по изд. Barcsay Ábrahám költeményei. Magyar irodalmi ritkaságok. Budapest. Egyetemi nyomda. é. n. 45. l.

⁵ О моменте угрызения совести, общем у Радищева и у Барчаи коротко упоминает Й. Вальдапфель (Waldapfel, J. Magyar irodalom a felvilágosodás korában³. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1963. 27. l.)

няться. В переписке мадам Севинье с дочерью немало места отводится и вопросу о пользе кофе.⁶

Пить кофе действительно скоро стало отчасти модой, отчасти страстью. В западноевропейской литературе барокко то и дело появляются песни — и даже кантаты, — посвященные кофе. Предметом спора в это время, проникающего и в модные песни и стихи в стиле барокко, посвященные кофе, было восприятие или же запрет кофе как предмета роскоши, а также наслаждения им. В духе барокко культ кофе был утвержден: в этом отношении выделяется широко известная и в наши дни „Кофейная кантата” И. С. Баха (Kaffee-Kantate, BWV 211.), сочиненная им в 1730-ые годы на слова Ф. Хенричи⁷; предполагается, что текст кантаты основывается на опубликованной в 1703 г. кантате Н. Бернара „Le saffé”⁸. Изображенный в кантате „конфликт” типичен в своей основе для XVIII века: мещанин-папаша Шлендриан запрещает своей дочери пить кофе, и собирается выдать ее замуж, однако, дочь решила: „Ни один жених не войдет в этот дом, пока не даст он слово, что разрешит мне варить кофе”, — так и договорилась она со своим женихом пить кофе и после свадьбы.⁹

Право на роскошь, на наслаждение авторы барокко считают, значит, неотъемлемым правом человека. Особенно наглядно свидетельствует об этом изобразительное искусство барокко.

Однако, к мыслям об утверждении права человека на роскошь и наслаждение присоединяются и другие идеи: в эпоху Просвещения мыслители и писатели в предмете наслаждения замечают уже и *продукт*, то-есть, обращают внимание на концентрированный в нем-человеческий труд. С одной стороны, значит, Просвещение характеризуется защитой права на роскошь (см. напр., цитированную и Марксом „Сказку о пчелах” Б. Мандевиля, а также стихотворение Вольтера Le Mondain), а с другой — наряду с этим — критическое отношение к ней как результату эксплуатации. Думается, не будет ошибкой предполагать, что этот второй момент восходит к мыслям Адама Смита о выраженном в продукте человеческого труда и эксплуатации, изложенным в его капитальном произведении „Исследование о природе и причинах богатства народов”.¹⁰

Эти два противоречивых момента отражаются и сливаются в приведенных выше местах и у Радищева, и у Барчаи. И не только у них. Мотив этот встречается и у И. Г. Гердера в книге „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit”:

Wie dieser Zucker und Mohren Trank durch manche bearbeitende Hand ging, ehe er zu mir gelangte und ich kein andres Verdienst habe, als ihn zu trinken: so ist unsre Vernunft und Lebensweise ein Zusammenfluss fremde Erfindungen und Gedanken, die ohne unser Verdienst aus aller Welt zu uns kamen.”¹¹

⁶ См. об этом в кн. Gleichen-Russwurm, A. A barokk. Budapest, é. n.

⁷ По другим источникам, на слова Пикандера.

⁸ Haraszti, E. Barokk zene és kuruc nótá. Századok, 1933. 544—610. I.

⁹ Хотя она о уступает многим другим кантатам Баха, трудно согласиться с А. Швейцером, считавшим, что автором „Кофейной кантаты” „...скорее можно было бы счесть Оффенбаха, чем старого кантора церкви св. Фомы”. (Швейцер, А. И. С. Бах. Музгиз. М., 1965, стр. 520.) Барочный дух этой светской кантаты явно недооценивается Швейцером.

¹⁰ Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. I—II. Соцэкгиз. М., 1935.

¹¹ Herder, J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Buch 9., Kap. 3. (Цитируется по кн. Szauder, J. A romantika útján. Budapest, 1961. 155. I.)

Радищев, как это было убедительно доказано Г.А. Гуковским, был знаком с творчеством Гердера и широко использовал его, в том числе и в ходе работы над „Путешествием”.¹² Все-таки было бы немного сомнительной гипотезой предположить, что именно произведение Гердера послужило источником для Радищева и Барчаи, так как хронологические данные противоречат этому: книга Гердера была закончена лишь в 1785 году, а опубликована только в начале XIX века: скорее можно предположить общий для Гердера, Радищева и Барчаи источник.

Что здесь особенно интересно и характерно для духа эпохи — это столь широкое распространение этого мотива в 80-ые годы XVIII века, свидетельствующее о проникновении гуманных философских идей в темы барокко и о их обогащении этими идеями.

В это же время работал Гете над своим романом „Годы учения Вильгельма Мейстера”. В десятой главе четвертой книги этого произведения мы встречаем аналогичный мотив:

„Bedenken Sie, was Natur und Kunst, was Handel, Gewerke und Gewerbe zusammen schaffen müssen, bis ein Gastmahl gegeben werden kann... Mit welcher Nachlässigkeit schlükt man die Sorge des entferntesten Winzers, des Schiffers, des Kellermeisters beim Nachtsche hinunter, als müsse es nur so sein. Und sollten deswegen alle diese Menschen nicht arbeiten, nicht schaffen und bereiten, sollte der Hausherr das alles nicht sorgfältig zusammen bringen und zusammen halten, weil am Ende der Genuss nur vorübergehend ist? Aber kein Genuss ist vorübergehend, denn der Eindruck, den er zurücklässt, ist bleibend, und was man mit Fleiss und Austreugung thut, teilt dem Zuschauer selbst eine verborgne Kraft mit, von der man nicht wissen kann, wie weit sie wirkt.”¹³

Вывод Гете отличается от вывода, сделанного Гердером, а также Радищевым и Барчаи: последние выделяют *противоречие* между созданием и восприятием продукта роскоши, а Гете — *связь* этих двух моментов. У Гете доминирует *синтез* эпического характера: своего рода стремление к объяснению и философскому обобщению. У Радищева и у Барчаи же *анализируется* в форме лирического монолога момент возмущения противоречием между правом человека на наслаждение и скрытым в продукте роскоши рабским трудом. Это возмущение во время наслаждения концентрируется в лирическом моменте, изображенном в „Путешествии” и в стихотворении Барчаи.

Следовательно, не приведенный *мотив* характерен сам по себе в первую очередь: он, как мы убедились, мог использоваться по-разному. Мотив этот является только *средством* для выражения; главное же — это *использование* „мотива коффе” в целях лирической передачи хода мышления, полета мысли от неосознанного чувства к обобщению. И именно этот процесс мысли выражает дух Просвещения и у Радищева, и у Барчаи.

¹² См. об этом в кн. Гуковский, Г. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. ГИХЛ. Л., 1938, стр. 162—178.

¹³ Goethes Werke. Grunow. Leipzig, 1889. Band 7. S. 366—367.